

Къ вопросу о русской анатомической номенклатурѣ.

Прив.-доц. В. П. Воробьевъ.

„Искусственные Россійскіе термины (анатомическіе) взяты изъ анатомико-фізіологическаго словаря Г. Доктора и Профессора Максимовича Амбодика. Латинскія названія нѣкоторыхъ частей, а особливо мускуловъ, мѣстами мною перемѣнены на другія, которыя показались мнѣ, для ихъ силы, положенія или другихъ обстоятельствъ болѣе собственными.

П. Загорскій. „Сокращенная анатомія“. 1802.

Вопросъ о номенклатурѣ въ описательныхъ наукахъ играетъ чрезвычайно важную роль и обыкновенно служитъ предметомъ тщательнаго вниманія. Извѣстно, что въ этомъ отношеніи ботаники и зоологи давно предприняли цѣлый рядъ очень серьезныхъ работъ и выработали языкъ опредѣленій, понятный для каждаго работающаго въ данной области. Нормальная анатомія человѣка въ разработкѣ номенклатуры значительно отстала, т. к. только въ 1896 г. Базельскій съѣздъ анатомовъ сгладилъ шереховатости научной анатомической терминологіи, предложивъ „nomina anatomica“—перечень терминовъ принятыхъ особенно въ Германіи. Послѣдующіе годы указали цѣлый рядъ недостатковъ, которые, не являясь настолько существенными, чтобы въ корнѣ измѣнить принятую систему, подчеркнули необходимость ея дальнѣйшей разработки (см. Н. Triepel и др.).

Выработка общей научной номенклатуры не послужила, однако, препятствіемъ для существованія номенклатуръ національныхъ и на ряду съ ней существуютъ номенклатуры англійская, французская, итальянская, испанская, русская и др.

Самое существованіе національныхъ номенклатуръ, нѣсколько неудобное при пользованіи источниками, если не приводятся въ скобкахъ общіе термины, обусловлено, однако, глубокими причинами, лежащими въ правѣ даннаго народа на пользованіе роднымъ язы-

комъ, а также государственной необходимостью имѣть термины, понятные для государственныхъ установленій, школъ, суда, администраціи и пр.

У народностей со старой культурой, выработавшихъ собственные термины и издавна культивировавшихъ термины, переведенные съ чужого языка, различіе въ номенклатурѣ авторовъ, хотя имѣть мѣсто, не доходить до такой степени, какъ это замѣчается у народовъ только недавно принявшихъ участіе въ процессѣ научнаго творчества. Здѣсь, при условіи отсутствія соглашенія, каждый авторъ, переводя на родной языкъ опредѣленный терминъ, можетъ передавать его отлично отъ другихъ и, тѣмъ самымъ, создавать рядъ синонимовъ, что нѣсколько неудобно для работающаго по данному вопросу и безусловно затруднительно для учащагося.

Русская медицинская наука и особенно анатомія человѣка въ этомъ отношеніи находятся въ неблагопріятныхъ условіяхъ.

Деятнадцатое столѣтіе быстро двинуло Россію по пути прогресса и не оставило нетронутой ни одной функціи народной жизни. Особенно это сказалось въ родномъ языкѣ, который подвергся колоссальной эволюціи. „Штиль“ Ломоносова смѣнился великолѣпнымъ языкомъ Пушкина, Лермонтова, быстро вошедшимъ въ обиходъ и рѣзко измѣнившимъ не только строй самой рѣчи, но и структуру слова и способъ его образованія.

Вмѣстѣ съ приближеніемъ рѣчи къ народному русскому говору, вмѣстѣ съ упрощеніемъ ея, „разсужденія о матеріяхъ важныхъ“ стали излагаться обычнымъ языкомъ и высокій штиль, обусловливающій своеобразную конструкцію фразы, остался достояніемъ правительственныхъ органовъ при сообщеніи народу рѣшеній или мнѣній по вопросамъ государственной важности.

Языкъ естественныхъ наукъ также подвергся значительной перемѣнѣ; теперь намъ трудно читать работы старыхъ русскихъ авторовъ, т. к. вмѣсто привычной, намъ какъ бы незамѣчаемой нами формы, мы прежде всего должны обращать наше вниманіе на строй фразы и значеніе словъ для пониманія вложенныхъ въ нихъ представленій.

Однако, вмѣстѣ съ прогрессомъ, здѣсь наблюдаются и нежелательныя явленія. Цѣлый рядъ красивыхъ русскихъ терминовъ, опредѣленій данныхъ самимъ народомъ, совершенно утратился; русскій языкъ, какъ и русская научная терминологія обогатились рядомъ иностранныхъ словъ и новыя понятія, входящія въ жизнь, стали выражаться опредѣленіями, взятыми съ чужого языка. Эти новыя

формы, изъ которыхъ нѣкоторыя, конечно, невозможно обойти, несомнѣнно способствуютъ засоренію языка, а, кажется, русскій языкъ въ высокой степени богатый и гибкій, имѣющій массу формъ для словообразованія и способный передать рядъ самыхъ тонкихъ оттѣнковъ при опредѣленіи даннаго понятія, имѣетъ право сохранять собственные корни.

Русская терминологія, какъ и русскіе анатомы, существуетъ съ небольшимъ лѣтъ и въ первое время анатомія въ Россіи изучалась по запискамъ, которыя составлялись студентами и терминологія была исключительно иностранная. Однако, нужда въ русской анатоміи съ русскими опредѣленіями была настолько велика, что академикъ Петръ Загорскій еще въ 1802 году вынужденъ былъ издать курсъ сокращенной анатоміи на русскомъ языкѣ съ русскими опредѣленіями. Эта анатомія выдержала пять изданій и явилась первымъ русскимъ учебникомъ. Конечно, этотъ учебникъ являлся преимущественно компиляціей, но уже самый фактъ его появленія составляетъ большую заслугу автора. Таренецкій въ исторіи кафедръ Военно-Медицинской Академіи, описывая жизнь и дѣятельность Загорскаго, также отмѣчаетъ, какъ особую заслугу, что его анатомія „устанавливаетъ свою собственную терминологію до Загорскаго, заимствованную цѣликомъ изъ заграницы“. Анатомія эта для настоящаго времени очень стара, но съ точки зрѣнія изложенія русскихъ терминовъ, она представляетъ большой интересъ. Въ строеніи фразы Загорскаго царитъ еще Ломоносовъ: „анатомія есть часть естественной науки, которая орудныхъ тѣлъ строеніе показываетъ“. Что касается терминологіи Загорскаго, то она въ большинствѣ случаевъ является переводомъ на русскій языкъ иностранныхъ словъ съ сохраненіемъ нѣкоторыхъ опредѣленій, которыя были выработаны самимъ народомъ.

Въ ученіи о костяхъ, онъ приводитъ слѣдующіе термины: ра-лообразная кость или сошникъ, слезотечныя косточки или ногтеобразныя (*ossa lacrimalia s. unguis*), удчатая кость (*os hamatum*), ніобная кость, выхрець или копчикъ, кости перстовъ; въ отдѣлѣ „составовъ“ и мышцъ, онъ описываетъ мышцу круговидную вѣкъ, мышцу подъемлющую уголь рта, мышцы крыльныя, мышцу длинную хребтовую, мышцу поперечную срамно-проходной промежности по-верхнюю, мышцу кругловатую большую, мышцу отростка вороньему носу подобнаго и плечевой кости, мышцы двойнишныя лядвей. Въ описаніи внутренностей мы находимъ: желчной пузырь, исходъ—привратникъ желудка, шулята—ядра яички. Ученіе о нервной

системѣ, называемое имъ „нервологіей“ включаетъ въ себя понятіе объ общемъ чувствилищѣ, раздѣляющимся на мозгъ, мозжечокъ и стантовую жилу. Мозгъ покрытъ тремя покрывалами; въ немъ есть железа сосновой шишкѣ подобная, мокротная железа, есть заслонки (паруса). Въ ученіи о сосудистой системѣ, мы встрѣчаемъ начальственную артерію (аорту), сообщительныя артеріи, пасочные сосуды (лимфеносные). Въ нервной системѣ и органахъ чувствъ четвертая пара головныхъ нервовъ именуется нервами страсть изображающими (n. pathetici s. trochleares), пятая пара—тройственные нервы; неправильно называемый и въ настоящее время блуждающій нервъ—скитакщійся. Въ глазу описывается озрачковая оболочка (роговая), въ носу мокротная.

Термины, приведенные мной являются только краткимъ перечисленіемъ всего интереснаго, что можно найти въ этой анатоміи для исторіи русской терминологіи. Но и изъ приведеннаго можно видѣть, что нѣкоторые изъ старо-русскихъ опредѣленій совершенно утратились и замѣнены новыми; въ самомъ словообразованіи произошли крупныя перемѣны и т. д.

Эта анатомія и ея терминологія оказывали огромное вліяніе на рядъ послѣдующихъ авторовъ и переводчиковъ.

Смѣльскій „въ краткомъ анатомическомъ описаніи орудій пяти чувствъ“ (1826 г.) отмѣчаетъ слезовое озерцо, слезовое мяско, бровную артерію, личную артерію, глазной шаръ, страстный нервъ, барабанную плеву, плевочныя трубочки (полуокружные каналы), сѣрое отолстѣніе (луковица обонятельнаго нерва).

У Нарановича (1850 г.) въ его „анатоомофизиологическомъ описаніи органовъ движенія человѣческаго тѣла“ мы также находимъ „кругловатую кость (гороховидную), отростокъ вороньему носу подобный, слезоточныя, ралообразныя, удчатые кости, мокротную оболочку, персты“, хотя здѣсь уже приводятся и новыя опредѣленія—пальцы.

У Вальтера, въ его второмъ „исправленномъ и умноженномъ“ изданіи „курса анатоміи человѣческаго тѣла 1855 г.“, въ ученіи о мышцахъ, встрѣчаются опредѣленія: передне-дудочный мускуль (m. tibial. anter.), подбедренный (m. subcruralis), лонно-бедренный (m. pectineus), чресленно-кресцовой (m. sacro-lumbalis), чресленно-подвздошный (m. psoas major), трапециодный мускуль, ромбидальный мускуль. При сухожиліяхъ мышцъ находятся приборы „для умощенія“ (синовіальныя влагалища); въ отдѣлѣ внутренностей „кадавера“ зубы имѣютъ корешки (корни), они покрыты глазурью (эмаль). Въ кишкахъ находится сигмовидное искривленіе (flexura sigmoidea), въ

нихъ находятся уединенныя железы (солитарныя фолликулы); въ ученіи о нервной системѣ ножки мозга получаютъ названіе стеблей, пятая пара называется троичнымъ нервомъ, полуокружные каналы—полукруглыми ходами.

Платоновъ въ его „описательной анатоміи“ 1856—1858 г. отмѣчаетъ „ланитныя кости, слезоточныя, русскія названія костей запястья, приведенны въ видѣ синонимовъ: ладейка (ладьеобразная кость), луночка или (полулунная), сидѣлка или большая многоугольная, клинушекъ или малая многоугольная, шкворень или головчатая кость, пальцы носятъ названіе перстовъ, кости имѣютъ сочленительныя поверхности. Онъ описываетъ ручно-предплечное сочлененіе, у него есть также мышцы крыльныя, мышца хребетная широкая (*m. latissimus dorsi*), мышца подъемяющая уголь лопатки, мышца лопаточнаго отростка и плечевой кости (*m. coraco-brachialis*). Во внутренностяхъ въ желудкѣ отмѣчаются отверстія лѣвое или верхнее, правое или нижнее, въ толстыхъ кишкахъ есть подвздошная кривизна. Седьмая пара нервовъ—личной или сообщительный нервъ, восьмая—слышательный нервъ, десятая—скитающійся или легочно-желудочный нервъ.

У Ольшевскаго, написавшаго по порученію Военно-Медицинскаго Департамента „анатомію и фізіологію органа зрѣнія“ (1861 г.) находимъ черепаховую оболочку (*sclera*).

Въ сочиненіи Пирогова въ „хирургической анатоміи артеріальныхъ стволовъ и фасцій 1861 г.“ встрѣчаются ножно-пяточный суставъ, портничная мышца, мышцы шиловидно-глочочныя, шиловидно-язычныя, перстнеобразный хрящъ, щитообразная артерія.

У Биршенкера переводчика „руководства къ анатоміи человѣческаго тѣла Голлштейна 1861 г.“, мы встрѣчаемъ подъочное отверстіе, крыльныя мышцы, слезоточныя кости, удчатую или крючковидную кость, околосердце (сердечная сорочка).

Делькаширскій въ „курсѣ фізіологической анатоміи челов. тѣла 1866 года“ придерживается при обозначеніи ученія о нервахъ стараго термина „нервалогія“, *vagus* называетъ блуждающимъ или „скитающимся“ нервомъ.

Въ отношеніи терминологіи много сдѣлалъ Капустинъ, переводчикъ учебника Эби (1872 г.); его русская терминологія является наиболѣе близкой къ современной и наиболѣе полной, хотя и у него мы встрѣчаемъ „составы, капюшонную, чресленную, мышцелковую локтевую мышцу (*m. anconeus*)“ и т. п.

Геннеръ въ 9-омъ изданіи „основанія анатоміи человѣка“ 1863 г. вводитъ отчасти свои термины, отчасти придерживается

терминовъ старинныхъ; у него есть „хвостцовая кость или копчикъ, чресло или безыменная кость, слезныя или слезоточныя кости, мышцы—ланитная (*buccinator*), переплетенныя малая и большая (*longissimus* и *semispinalis capitis*), длинная бедренная (*sartorius*); пищеводъ называется еще пищепроводъ, *prostata* подпузырной железой, артеріи—боевыми жилами симпатическая система—узловой.

Таренецкій своимъ переводомъ „основъ анатоміи человѣка“ Панша (1887 г.) не оказалъ русской терминологіи никакихъ услугъ, т. к. русскіе термины встрѣчаются у него крайне рѣдко и большинство опредѣленій дано только на латинскомъ языкѣ.

Наилучшимъ и наиболѣе полнымъ учебникомъ нормальной анатоміи написаннымъ на русскомъ языкѣ слѣдуетъ считать „Руководство къ описательной анатоміи человѣка Д. Н. Зернова“ и съ точки зрѣнія русской терминологіи заслуга автора очень велика т. к. въ руководствѣ приведена масса русскихъ опредѣленій вполне современныхъ.

Разсматривая первое изданіе этого учебника, мы, однако, и здѣсь можемъ отмѣтить нѣкоторые русскіе термины, которые являются латинскими терминами написанными русскими буквами, либо терминами, которые не приняты другими авторами. Въ видѣ примѣра, можно указать *m. buccinator*—м. трубачей или щечный, *m. ilio-psoas*—повздошно-поясничная мышца, *m. pronator teres*—круглый пронаторъ, *m. pronator quadratus*—квадратный пронаторъ, *m. supinator longus*—длинный супинаторъ предплечія; *m. triceps surae* проф. Зерновъ называетъ трехглавой мышцей, оставляя безъ перевода *m. gastrocnemius* и *soleus*.

Второй эпохой въ исторіи русской терминологіи является классическій переводъ атласа Шпальтегольца, сдѣланный проф. Н. А. Батуевымъ.

Въ основу перевода положено тщательно выработанная номенклатура, цѣлый рядъ латинскихъ терминовъ оставшихся у прежнихъ авторовъ не переведенными, приведенъ здѣсь въ видѣ точныхъ опредѣленій. Русский языкъ очищенъ отъ многихъ иностранныхъ наслоеній, самый же конспективный текстъ атласа и выставленіе русской номенклатуры на первое мѣсто еще болѣе подчеркиваетъ значеніе данной работы, которая должна служить индексомъ терминологіи для русскихъ авторовъ.

Какъ анатомія Генле легла въ основу Базельской номенклатуры, такъ этотъ индексъ долженъ въ данное время лечь въ основу номенклатуры русской. Референтъ русскихъ работъ въ нѣмецкой

литературѣ проф. Z. Stieda высоко оцѣнивая колоссальный трудъ, выполненный проф. Батуевымъ рекомендуетъ нѣмецкимъ авторамъ по примѣру Батуева ставить національную терминологию на первое мѣсто, отводя латинскимъ терминамъ второе.

Читая послѣдующихъ авторовъ и переводчиковъ, мы видимъ, что нѣкоторые (Шавловскій, Яцута) почти не пользуются русской терминологіей; другіе приводятъ либо старинные термины, либо термины не находимые у другихъ авторовъ. Такъ у проф. Тихонова въ „курсѣ пластической анатоміи 1906 года“, мы встрѣчаемъ напр. опредѣленія: ланитная мышца, миртовидная мышца, мышца улыбки Santorini, капюшонная мышца, широчайшая мышца спины; въ четырехглавомъ разгибатель бедра Тихоновъ описываетъ среднюю, наружную и внутреннюю обширныя мышцы и т. д.

Такимъ образомъ, изъ краткаго перечня перечисленныхъ мною анатомическихъ опредѣленій слѣдуетъ, что русская анатомическая номенклатура, приведенная у Батуева не всѣми принята.

Я полагаю, что вопросъ о номенклатурѣ, какъ вопросъ назрѣвшій, долженъ быть такъ или иначе разрѣшенъ. Послѣдній Пироговскій Съѣздъ въ числѣ программныхъ вопросовъ по секціи нормальной анатоміи поставилъ вопросъ о русской номенклатурѣ который, однако, не могъ быть поднятъ въ виду малаго количества присутствовавшихъ анатомовъ. Было бы очень желательно, чтобы и въ Россіи по примѣру Запада собирались самостоятельные съѣзды морфологовъ. Помимо научнаго значенія, эти съѣзды оказываютъ здоровое воспитательное вліяніе на молодыхъ товарищей; однако, за ихъ отсутствіемъ, я считалъ бы необходимымъ постановку этого вопроса на Пироговскомъ Съѣздѣ или Съѣздѣ Естествоиспытателей и врачей съ тѣмъ, чтобы была выбрана номенклатурная комиссія, которая бы занялась окончательной установкой русской терминологіи.